

МИТРОХИН А. А.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ**

**ненаучно-фантастический
детектив**

часть вторая

Алексей Митрохин

**Некоторые вопросы загробной
жизни. Часть вторая**

«Издательские решения»

Митрохин А.

Некоторые вопросы загробной жизни. Часть вторая /
А. Митрохин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839012-8

Продолжение умопомрачительных приключений Виктора Смирнова и его друзей в «потустороннем мире». Во второй части нашему герою предстоит выяснить, куда прибывает загробный поезд, столкнуться с энергетическими и пространственными аномалиями, познакомиться с новыми объектами и их обитателями. Не забывает Виктор и основную задачу — расследование собственного убийства.

ISBN 978-5-44-839012-8

© Митрохин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Некоторые вопросы загробной жизни

Часть вторая

Алексей Митрохин

© Алексей Митрохин, 2017

ISBN 978-5-4483-9012-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Вот уже битый час я сидел у обшарпанных дверей кабинета старшего следователя по загробным делам особой важности Тимофея Ивановича Синицына. Именно эта фамилия значилась на потёртой серебристой табличке, прикреплённой к серой невзрачной стене коридора административного здания с интригующим названием «Региональное управление по контролю за усопшими», сокращённо «РУКУ». В это учреждение нас привёл усатый проводник вагона, Семён Никанорович Гринько, сразу после незапланированной остановки поезда. Сойдя на ухоженный перрон, мы проследовали вглубь вокзала, который представлял собой невысокое одноэтажное строение из облицовочного кирпича красного цвета. Крыша была выложена зелёной металлочерепицей. По всей длине сверкали чистые двухметровые стекла, обрамлённые коричневыми деревянными рамами. Внутри находился зал ожидания – просторное помещение со множеством скамеек, на которых совершенно никого не было. Бросилось в глаза отсутствие информационных стендов, справочных и прочих построек, характерных для прежнего места. Хотя рассматривать, что к чему, было некогда.

– Нам туда, – махнул рукой Семён Никанорович в сторону величественного многоэтажного здания, шустро перебирая ногами по скользкому кафельному покрытию вокзала.

– Бешеный какой-то, – недовольно прошептала Лика, поглядывая на меня. – Несёмся, будто на поминки опаздываем.

– Согласен, – кивнул я, выскакивая на улицу. – Мрачный проводник. Создаёт повышенную нервозность в нашем сплочённом коллективе.

– Гляньте, – воскликнул Фёдор, – вся площадь выложена гранитной брусчаткой... Не дешёвое удовольствие... Видать, солидные мертвяки обитают.

Двести метров, отделяющих нас от конечной цели, мы пролетели за пару минут. Открывая массивные двери, Семён Никанорович сказал с беспокойством:

– Следуйте за мной, не отставайте. Здание большое, не дай Бог заблудитесь... Ищи потом.

– А куда идём-то? – поинтересовался тувинский шаман.

– Узнаете... Там объяснят...

Мы зашли в просторный вестибюль и остановились у турникета типа «вертушка». Рядом с турникетом стоял седовласый усатый охранник тучного телосложения в форменной одежде цвета хаки. Широкий кожаный ремень стягивал огромное пузо стража порядка. На ремне висел странный прибор с кольцеобразным наконечником, внешне напоминающий металлоискатель. Похожими приборами нас проверяли у входа на стадион перед началом футбольных матчей, пытаясь найти различные колющие предметы и пиротехнику. Тупые охранники! Вся пиротехника уже давно была под сиденьями в фанатском секторе, куда её заблаговременно спрятали подкупленные работники стадиона. Гринько тем временем подошёл вплотную к пузатому секьюриту и заискивающе произнёс:

– Василий Иванович, это со мной... Пассажиры поезда... Велено передать по инстанции.

Охранник окинул нас подозрительным взглядом.

– Проходи по одному, – грозно скомандовал он.

– Так, проходим ребята, не задерживаемся, – затараторил Семён Никанорович, пропуская меня вперёд. Я благополучно преодолел металлическое препятствие. – Идите к администратору. Видите девушку за стойкой?

– Вижу, – недовольно пробурчал я, продвигаясь в сторону загробного ресепшна. Лика и Ксения проследовали за мной.

Внезапно за спиной раздался противный, резкий звук «металлоискателя».

– Попался! – заревел во весь голос пузатый охранник, перекрывая дорогу Мастеру на все руки.

- В чём дело? – возмущённо заголосоил Фёдор. – По какому праву вы меня обыскиваете?
- Никто никого не обыскивает. Доставайте, что у вас в кармане?
- Ничего у меня нет!
- Как это нет? Прибор не обманешь! Попрошу положить запрещённые предметы в лоток, – Василий Иванович потряс пластиковым контейнером перед носом Кравчука.
- Какие ещё предметы? С ума посходили? Это форменное безобразие!
- Я действую согласно инструкции. Не хотите доставать – не надо. Только в здание я вас не пушу.
- И что теперь делать? – Фёдор озадачено уставился на секьюрити. – Обрати на вокзал идти?
- А мне какая разница? Порядок для всех один. Отойдите от турникета, не загораживайте проход, – Василий Иванович брезгливо поморщился и, обращаясь к тувинскому шаману, деловито произнёс: – Проходите, гражданин усопший, не стесняйтесь...
- Ростислав Ббян поправил на груди увесистую пентаграмму и неторопливо прошёл мимо охранника. Я посмотрел на Кравчука. Фёдор стоял по другую сторону турникета с несчастным видом. Все замерли, ожидая дальнейшего развития ситуации.
- Витя, сходи, узнай, в чём дело, – обратилась ко мне Лика, изобразив жалостливую гримасу.
- Почему я?
- Хочешь, чтобы мёртвые девушки решали мужские проблемы?
- А что такого? Улыбнись толстяку пару раз, глядишь, Федю пропустят...
- Перестань! – Лика обиженно надула губки, кокетливо хлопая длинными ресничками. В моей энергетической оболочке внезапно проснулись нежные чувства.
- Послушай, – ласково прошептал я, – профессор Лощинский исчез в неизвестном направлении. Появится или нет, неясно... Может, учитывая обстоятельства, мы могли бы...
- Бабник! Всё Андрею расскажу.
- Да пошутил я, совсем юмора не понимаешь.
- Юмор твой, Виктор, носит ярко выраженный похотливый характер. Не хочешь идти – не надо. Сама пойду. – Лика решительно двинулась к турникету.
- Да ладно, не суетись, – остановил я её, подходя вплотную к Василию Ивановичу. – Тоже мне, решающий проблем.
- Охранник подозрительно посмотрел на меня.
- Уважаемый, – сухо произнёс я, – на каком основании вы задерживаете оперативную группу? Нас вообще-то с докладом ждут.
- А вы кто?
- Руководитель загробного отделения «Заблудшие души» – Виктор Николаевич Смирнов. Прошу любить и жаловать, – представился я, доставая из сумки многострадальную перьевую ручку и путеводитель по загробному миру. – Как, говорите, ваша фамилия?
- Бойко Василий Иванович. А вам зачем? – напрягся секьюрити.
- От меня требуют объяснения по поводу незапланированной задержки доклада. Нужно указать причину неявки, назвать фамилию... Да вы и сами всё понимаете, человек военный...
- Пишите, что хотите, – отмахнулся Бойко. – Нарушителя не пропущу!
- Да что он нарушил?
- Пытается пронести запрещённые предметы. Видите, карманы оттопырены? Следить надо за своими сотрудниками. – Василий Иванович неодобрительно покачал головой. Я посмотрел на набитые карманы Кравчука.
- Хорошо. Обещаю решить проблему. Только ответьте на вопрос...
- Какой?

– Чем вы постоянно машете перед моим носом? – я кивнул на кольцеобразный прибор.
– Сначала решите проблему, – резонно заметил Бойко.
– Ловлю на слове, – добродушно произнёс я, проходя мимо турникета в обратную сторону. В голове пронеслось: «Вот ведь упёртый охранник».

Кравчук смотрел на меня, как провинившийся школьник смотрит на строгую учительницу.

– Фёдор, ты чего в карманы напихал? Смастерил самодельное взрывное устройство?

– Не-е. Это инструмент. Прихватил на случай.

– На какой ещё случай? – недоуменно спросил я.

– На всякий... Профессиональная привычка. Если еду на новое место, всегда беру инструмент. Не могу по-другому. Душа ныть начинает.

Кравчук тяжело вздохнул.

– Что за инструмент?

– Отвёртка, пара разводных ключей, плоскогубцы и вот... – Фёдор пошарил в глубине кармана и извлёк ржавое шило с серой пластиковой рукояткой.

– Где взял?

– Одолжил у Козбикова.

– Как одолжил? Украл, что ли?

– Зачем украл, – обиделся Кравчук, – позаимствовал на время... У него этого инструмента пруд пруди. Даже не заметит... А я при встрече верну. Честное слово! – Фёдор прижал кулак к шилом к широкой волосатой груди.

– А кстати, куда ты подевал пакет со шмотками из супермаркета? Что-то я его не вижу?

– В купе оставил, – виновато произнёс Кравчук. – Забыл, представляешь?

– Понятно, – протянул я. – Ворованный инструмент прихватил, а наборы для начинающего усопшего забыл... Молодец, Федя.

– Там ещё женское барахло было, – удручённо выдавил Кравчук. – Лица мне этого точно не простит.

– Перестань, она уже и не помнит. Скажи лучше, что с инструментом делать?

– Не знаю.

– Давай поступим следующим образом. Сдай инструмент охраннику, а я тебе другой достану. Или вот что, – меня осенило, – узнаем, где хранят конфискованный товар, нагрянем туда с ревизией и всё вернём. Может, даже чего получше прихватим... Согласен?

Кравчуку понравилась моя идея. Он схватил пластиковый контейнер и стал наполнять его различным инструментом. Кроме уже перечисленного, в лотке оказались: рулетка, кусок замасленной ветоши, четыре сапожных гвоздя и сверло по дереву. Заполненный до краёв лоток Фёдор торжественно передал Бойко.

– Это всё? – спросил Василий Иванович, прицеливаясь прибором в накладные карманы Фёдора.

– Всё, – уверенно произнёс Мастер на все руки, пересекая турникет. Звуковая сигнализация утвердительно промолчала.

– Ну, слава тебе Господи, – вырвалось у Семёна Никаноровича, с беспокойством наблюдавшего за нашими разборками. – Идите за мной.

Проводник развернулся к ресепшну. Фёдор поспешил за ним, а я подошёл к Бойко, пристально вглядываясь в «металлоискатель».

– Так что это за прибор?

– Мобильное устройство для считывания информации, – невозмутимо ответил Василий Иванович. – Собственная разработка. Сокращённо: МУСИ-52ВИБ.

– ВИБ – это ваши ФИО, – догадался я.

– Точно, – наконец-то улыбнулся секьюрити, – 52 – год моего рождения...

– И как он работает?
– Прибор преобразует информацию от проверяемого источника в звуковой сигнал. Если усопший, проходя через турникет, пытается что-то утаить, аппарат тут же бьёт тревогу. Всё просто...

– Он что, наши мысли читает?

– Вроде того... Вот вы, к примеру, о чём думали, когда мимо меня проходили?

Я улыбнулся.

– Будут ли сегодня в столовой подавать рыбные котлеты...

– Так вот, – не обращая внимания на мои подколы, продолжал Бойко, – а ваш сотрудник думал, как инструмент запрещённый пронести. Поэтому и попался с поличным.

Василий Иванович принял важную позу, выпучил огромное пузо и стал покручивать пухлыми пальцами седые, торчащие в стороны усы.

– Не знал он про запрещённые предметы, – уверенно произнёс я. – Нигде такой информации нет!

– Может, и не знал, – тягуче произнёс охранник, – но чувствовал... Я сразу заметил: дёрганный товарищ.

– Ясно. Значит, это не металлоискатель, а мыслеуловитель какой-то.

– Можно и так сказать... Жаль, радиус действия у него маленький. Всего-то два метра... Надо доработать, да времени нет. Каждый день покойников с поезда снимают, а сегодня вон, целая группа... Боюсь, не успежу за всеми, – Василий Иванович обречённо вздохнул.

– Найдите грамотного специалиста, он поможет.

– Где ж я его найду?

– Могу своего одолжить по дружбе...

– Серьёзно? – с надеждой произнёс Бойко.

– Вполне. Фёдор (у кого вы контрабандный инструмент изъяли) – Мастер на все руки. Окончил высшую школу сантехников. Даже в Китай ездил по обмену опытом... Кстати, там он прошёл курсы боевой подготовки по популярной программе: «Ушу – будешь трогать – укушу». Так что вы с ним поаккуратнее... По рукам, Василий Иванович?

– Неудобно как-то, – замаялся Бойко. – Я его полчаса у турникета мурыжил... Не согласится...

– А вы пообещайте вернуть инструмент. Он за эти железяки что хотите сделает.

– Я подумаю, – секьюрити почесал седую лохматую голову.

Послышался недовольный возглас проводника Гринько:

– Смирнов, ну где вы там? Одного вас ждём!

– Бегу, – отозвался я и, обращаясь к Василию Ивановичу, быстро сказал: – Надумаете насчёт инструмента – сообщите.

– И где вас искать? Тут столько кабинетов...

– С вами свяжется моя личная секретарша, – я указал рукой на Лику. – Анжелика Тимофеевна Стрельцова. – Только прошу, когда будете с ней общаться, не называйте её секретаршей.

– Почему?

– Второй муж изменял ей с одной дамой. Она секретарём работала в соседнем офисе. Представляете, – ехидно прошептал я, – дряхленький профессор, а всё туда же...

– И что она сделала, когда узнала? – заинтересовался охранник.

– Сдала его в дом престарелых. Там он коньки и отбросил.

Василий Иванович с любопытством посмотрел на Лику.

– Нехорошо как-то, – с грустью произнёс он. – А с виду интеллигентная девушка...

– Они все такие... Так мы договорились?

Бойко неопределённо пожал плечами.

– Идите уже, а то ваши сотрудники нервничают.

– Не беспокойтесь, – важно сказал я, перемещаясь к ресепшну. – Начальство всегда задерживается.

За стойкой администратора сидела молодая симпатичная девушка лет 27-ми в синем приталенном пиджаке с золотыми пуговицами. Под пиджаком виднелась кремовая блузка с расстёгнутым воротником. Девушка безразлично посмотрела на меня и монотонно произнесла, заноса перламутровую перьевую ручку над журналом:

– Вы Смирнов?

– Да.

– Виктор Николаевич?

– Так точно, – отрапортовал я, пытаюсь заглянуть в бархатные глаза администратора.

– Далеко не уходите, за вами подойдут.

– Кто подойдёт? – с деланным удивлением поинтересовался я.

– Дед Пихто, – ответила за администратора Лика, незаметно подкравшись ко мне сзади. – Витя, не задавай глупых вопросов. Тебе никто ничего не скажет.

– А вы случайно Антона Афанасьевича Збруева не знаете? – умышленно игнорируя Лиду, спросил я. – Он тоже администратор.

– Да? – работник ресепшна подняла очаровательные глазки. – А в каком учреждении он работает?

– Работал... В элитном гостиничном комплексе «Славянка», – сообщил я, подумав: «Всё-таки заставил её на себя посмотреть!»

– Не знаю такого, – сказала она после паузы и, спохватившись, добавила: – Не мешайте работать!

Я отошёл от стойки и плюхнулся на один из четырёх стульев, стоявших у стены правее ресепшна.

– Чего ты к ней пристал? – поинтересовался Кравчук, присаживаясь рядом.

– Хотел заглянуть в её бархатные глаза, – задумчиво произнёс я, не глядя на Фёдора. – У моей первой жены, Светы, такие же глазки были, мягкие, будто ласкают... Оторваться невозможно.

Я погрузился в сладостные воспоминания.

Со Светланой Левченко меня познакомил коварный друг Алексей Скоробогатов... Точнее сказать, сначала с ней познакомился он сам. В то время мы с Алексеем учились на последнем, пятом курсе Института экономики, статистики и информатики, сидели рядом. Как-то он опоздал на прикладную математику, запыхался, лицо загадочное, говорит мне: «Представляешь, познакомился с девчонкой со второго курса юридического, договорились сегодня сходить в „Звезду“. Не забыл? Наши играют. В 19—00 прямая трансляция». «Не носи чушь! – отвечаю ему. – Я календарь игр „Локомотива“ наизусть знаю... Она что, футболом интересуется?» «Как же... – усмехнулся Лёха, – влюбилась в меня с первого взгляда, предлагает начать романтические отношения...» – «А живёт где?» – «В общежитии». – «Тогда понятно, на халяву хочет пивка попить. Только „кидалово“ всё это. Напьётся, наестся за твой счёт и домой...» – «Ну, это мы ещё посмотрим... Кстати, Вить, если у нас что получится, сдашь квартиру на пару часов? Всё равно один живёшь...» – «Без проблем, для друга ничего не жалко... Только с условием. Возьмите меня в свою компанию. Не будем же мы за разными столиками в спортбаре сидеть?»

Двухкомнатная квартира досталась мне от родителей. Они переехали в новую, за городом. Рядом огород, речка. С собой звали, но я сказал, что в институт удобнее из старой квартиры добираться. Схитрил, в общем. Отец всё понял, отвёл меня в сторонку, говорит: «Только девок домой не води. Учёба на первом месте». «Конечно», – отвечаю, а самого смех разбирает. Как раз в тот день я договорился с Дашкой Семёновой, своей одноклассницей, попить пивка со всеми вытекающими... В общем, когда Лехе с очередной девушкой некуда было податься,

я по доброте душевной, предоставлял ему свою жилплощадь... На короткое время, разумеется. Впрочем, он никогда не злоупотреблял моим гостеприимством. Что касается событий того вечера, то я помнил их довольно отчётливо... До определённого времени. Когда я впервые увидел Светлану, меня будто током ударило, мурашки по всему телу. Высокая, стройная, в колготках телесного цвета, голубых обтягивающих джинсовых шортах, белоснежной маечке-борцовке, из-под лямок которой как бы невзначай просматривались белые бретельки бюстгалтера; длинные чёрные волосы на прямой пробор, дугообразные тёмные брови и глаза... Таких глаз я ещё ни у кого не встречал. Они были разного цвета. Не в плане – один белый, другой серый. Нет. Каждый её глаз излучал два оттенка: бирюзовый и светло-коричневый. Позднее, покопавшись в интернете, я нашёл правильное название – гетерохромия... Точнее, частичная или секторная гетерохромия. Это когда цвет одной части радужной оболочки глаза отличается от цвета другой. Выглядела глазная аномалия очень эффектно, хотя я где-то читал, что в старину людей с разными глазами боялись, считая их детьми дьявола, у которого, как известно, глаза были разные: голубой и чёрный.

В любом случае это была дьявольская красота. «А ведь Лёха специально про её глаза ничего не сказал. Хотел поразить меня, мерзавец!» подумал я тогда, слушая, как Света и Алексей с интересом обсуждают стартовый состав нашей команды. Когда после пяти кружек разливного пива Светлана отошла в туалет поудрить носик, Лёха придвинулся ко мне и полупьяным голосом поинтересовался: «Ну и как она тебе?» – «Баба как баба, – соврал я. – Хотя удивлён, что Светка всех футболистов по фамилии знает. Думал, бабы футболом не интересуются...» «Да я про глаза! – не унимался Алексей. – Это же фантастика! Может, она колдунья?» «Подумаешь... – с деланным безразличием произнёс я. – Тут недавно один иностранный фильм видел, так там даму показали с тремя грудями. Вот это фантастика». «А-а, – отмахнулся Лёха, – нету в тебе романтики... Давай ещё по одной...»

Окончание вечера я запомнил с трудом. Самое странное, я даже не знал, с каким счётом закончился футбольный матч. Не знал, просто потому, что смотрел не на огромный экран телевизора, у которого бесновались пьяные болельщики, размахивая клубной атрибутикой, а в удивительные бархатные глаза нашей новой знакомой. Я снова и снова слушал её болтовню про какие-то курортные приключения, улыбался, когда она заливалась весёлым безудержным смехом, вновь ловил её взгляд и беспорядочные движения тонких элегантных рук. Короче говоря, втюрился, как пацан. И от мысли, что эта замечательная девушка, возможно, сегодня будет с другим парнем, моё сердце вдруг сжалось до величины грецкого ореха, а из пьяных глаз потекли солёные струйки горячих слёз.

«Вить, ты чего? Лёша сказал, мы выиграли...» – участливо поинтересовалась Света, состроив на лице такую очаровательную, милую гримасу, что я не выдержал и разревелся ещё больше. «Ни-и-че-г-го, – заикаясь, выдавил я из себя, вытирая предательские слёзы фанатским шарфом. – Э-то-о от счастья». «Не думала, что мужики так сентиментальны, – удивилась она, поглаживая мою понурюю голову. – Что же тут происходит, когда ваша команда проигрывает?» «Бойня!» – откликнулся Алексей, еле-еле поднимаясь со стола и крича во всю глотку, видимо обращаясь к официанту: «Че-ло-век, ещё двести текилы и счёт».

Текила была явно лишней...

Как мы добирались домой и кто кого тащил, я уже слабо помнил. Лёха упал на пол в коридоре моей квартиры, как только я открыл входную дверь. Мы со Светой оттащили бесчувственное тело на кровать и сами свалились замертво. Когда я проснулся утром, то увидел следующую картину: посередине кровати с полуоткрытым ртом в пол-оборота ко мне лежала Светлана. Её правая рука небрежно охватывала мою шею. С другой стороны, тоже в пол-оборота, повернувшись к нам спиной, храпел Алексей. На полу валялось мятое одеяло. Конечно, ничего особенного, если бы не одно «но»: мы со Светой были абсолютно голые. И тут меня начали терзать смутные подозрения. Я аккуратно снял со своей шеи руку Светланы, потёр покрасневшие

коленки и заглянул под кровать. На пыльном паркете с моей стороны валялся использованный презерватив. «Всё ясно, – подытожил я. – Лёха мне точно этой подлости не простит. Вот идиот, переспал с его девушкой. Что делать? Ума не приложу...» Положение было крайне деликатным. С одной стороны – любовь, с другой – дружба. Нужно делать выбор. Как сейчас, вижу себя сидящим на кровати, обхватившим голову руками и теребящим лохматые волосы. Ситуацию разрулил проснувшийся чуть позже Алексей. «Да ладно тебе, не грузись, – махнул он рукой. – Я себе новую бабу найду. Девушка она серьёзная, на ней жениться надо. А жить негде...» «О какой женитьбе идёт речь?» – в полудрёме прошептала Света, потягиваясь, словно котёнок после долгого приятного сна. Она мило улыбнулась, приоткрыла глаза и вдруг подскочила как ошпаренная. «Почему я голая?!» – закричала Света, прикрывая руками обнажённую грудь и проскакивая между нами, словно мы были прокажённые. «О вашей с Виктором свадьбе, – усмехнулся Алексей. – Не помнишь? Ночью он предложение тебе сделал... Кстати, туалет по коридору с правой стороны...»

Мы потом часто вспоминали эту забавную историю, попивая «Жигулёвское» у меня дома. А что? Никогда не знаешь, где найдёшь свою любовь... Тем более если ты – пьянь и девушка твоя тоже...

Пару месяцев спустя, сидя на скамейке в городском парке и наблюдая, как разноцветные листья опадают с деревьев под дуновением осеннего ветерка, Светлана напомнила о предложении руки и сердца... Довольно тривиальным способом. Она с нежностью взглянула в мои глаза, положила на плечо головку и тихо-тихо произнесла: «Витя, если твоё предложение о замужестве ещё в силе, я согласна».

Через три недели мы расписались.

От ностальгических воспоминаний меня отвлекла Лица, стоявшая чуть в стороне вместе с шаманом и Ксенией.

– Ребята, идите уже к нам. Болтаетесь, словно два тополя на Плющихе, – недовольно произнесла она, махая рукой. – Нечего от коллектива отбиваться.

– Три тополя, – поправил я Лику, вставая с насиженного места. – Что за девушка неугомонная, покоя с ней нет совершенно.

– Почему три? – заинтересовался Кравчук.

– Был такой старый художественный фильм 60-х годов, назывался: «Три тополя на Плющихе». Древняя мелодрама. Мои родители любят её смотреть, когда на них тоска находит.

– А плющ здесь причём? Он же сорняк, выюн. Мы их пацанами кучами выдирали... Да ещё женского рода. Получается, здоровая плющиха деревья обвивает, расти не даёт...

Я недоуменно посмотрел на Фёдора.

– Плющиха – это улица. Отстань от меня, со своими идиотскими вопросами!

Неожиданно за спиной раздался металлический женский голос:

– Граждане усопшие, попрошу подойти ко мне.

Из дверного проёма справа от ресепшна показалась ещё одна девушка такого же возраста и антропометрических данных, как администратор. В руках она держала картонные папки-скоросшиватели белого цвета с надписью: «Дело №». Мы не спеша подтянулись к даме.

– Меня зовут Анастасия Павловна Соловьёва, – сообщила она, поочерёдно оглядывая наши энергетические оболочки. – Я секретарь-референт отдела документального обеспечения. Все на месте?

– Да, – невпопад протянули мы, словно пионеры на утренней линейке.

– Кравчук, Стрельцова, Смирнов, Ббян, Устинова – все здесь? – уточнила девушка.

– Все, – ответил за нас Фёдор.

– А это кто? – Анастасия Павловна посмотрела на проводника Гринько.

– Я проводник вагона, – откликнулся Семён Никанорович. – Доставил усопших для проведения дознания.

- Вы не нужны. Остальные за мной, – командовала она, открывая дверь в коридор. Мы поплелись за суровой дамой.
- До свидания, ребята, – попрощался Гринько, развернувшись к выходу. – Желаю удачи.
- И вам не болеть, – бодро произнёс Кравчук, выскакивая вслед за Соловьёвой.

Глава 2

Внутренняя планировка здания Регионального управления не отличалась сложными архитектурными решениями. Она представляла собой череду бесконечных, пересекающихся друг с другом коридоров, по обеим сторонам которых с промежутком приблизительно 10 метров располагались облезлые деревянные двери с пластиковыми табличками. На табличках были указаны фамилии и должности сотрудников Управления, а также порядковые номера кабинетов. У дверей вдоль стен стояли деревянные стулья с высокими спинками. На некоторых из них с грустными выражениями лиц сидели усопшие, видимо ожидая приглашения на аудиенцию. Если бы не они, помещение можно было назвать безлюдным. Кругом царила гробовая тишина.

– Тихо как в могиле, – констатировал я, обращаясь к Стрельцовой. – Заметила, помещение замкнутое, а эха совсем нет?

– У меня опять голова разболелась, – вздохнула Лика, не обращая внимания на вопрос.

– Ты уже в который раз жалуешься. В чём дело? – участливо поинтересовался я.

– Сама не пойму. Постоянно слышу голоса. Вроде зовёт меня кто-то по имени, и ещё речь неразборчивая... Жуть.

– Думаю, бояться тебе нечего, хуже не будет.

– Откуда ты знаешь? – пожала плечами Лика.

– Ростислав, – обратился я к тувинскому шаману, который шёл с Ксюшей позади нас. – Вы ведь народный целитель?

– А в чём проблема?

– У Лики голова болит, а ещё она голоса слышит.

– Это один из симптомов болезни, известной в медицине как шизофрения. Я такое не лечу. Ей к психиатру надо. Уверен, Виктор, вы знаете, к кому обратиться.

– Имеете в виду Заболотного? Так его офис на вокзале. А возвращаться туда мне совершенно не хочется.

– Даже ради меня? – пролепетала Лика, томно посмотрев в мои очи.

– Не смотри так. Лощинский приревнует.

– Плохо ты Андрея знаешь, он другой.

– Какой другой? – усмехнулся я. – Мужик, он и в Африке мужик.

– Опять придуриваешься? – Лика сверкнула глазами. – Есть нормальные мужики, а есть кобели и бабники. Такие, как ты, Виктор! И вот ещё один, Фёдором зовут.

– Чем тебе Федя не угодил? – удивился я.

– А ты не видишь, куда он всё время пялится?

Я посмотрел на Кравчука. Мастер на все руки шёл впереди, впившись глазами в округлые бедра нашей провожатой.

– Федя, куда уставился? – ехидно спросил я, поравнявшись с заслуженным сантехником.

– Да ты посмотри, как она бёдрами раскачивает! Туда-сюда, туда-сюда, – восхищённо произнёс Кравчук. – Не девка, а огонь. Колготки видел какие? Чёрные, со стрелкой сзади... Как раз под цвет короткой облегающей юбки. Туфли лакированные с красной подошвой, на шпильке... Жалко, рубашка на ней белая, я синий цвет люблю.

– Это блузка, – улыбнулся я.

– Да, – протянул Федя. – Если б не жена, приударил за ней, честное слово.

– А в чём проблема? Ты сейчас в разводе.

– Это как? – удивился Кравчук.

– Да так. Ты в церкви венчался?

– Да.

- Брачный обет давал?
- Не было обеда, я и позавтракать толком не успел. До вечера голодным ходил... Хорошо, маманя бутербродов наделала, было чем водочку закусить.
- Я не про жратву тебе толкую, бестолочь ненасытная. Церковный обет давал? Клятву верности?
- Что-то было, – задумался Кравчук. – Плохо помню.
- Пить надо меньше. Так вот, – продолжал я, – жених и невеста при венчании дают клятву верности друг другу. Там ещё текст такой: «...хранить наш брак в радости и в горе, в богатстве и в бедности, в болезни и здравии...» бла-бла-бла... И в конце: «... с этого дня и пока смерть не разлучит нас».
- И что? – Фёдор недоуменно посмотрел на меня.
- А то, Федя, что ты – труп, и, соответственно, в разводе, – я удовлетворённо потёр руки. – Гуляй, наслаждайся мёртвой холостяцкой жизнью, никто тебя не осудит.
- Неправильно это, – замылся Кравчук, – всё-таки столько лет прожили...
- Не слушай ты его, – встряла в разговор Лика. – Брачный обет даётся в католической церкви. Ты же, небось, в православной венчался?
- Не знаю, я в них не разбираюсь... Да какая теперь разница, – с досадой произнёс Фёдор. Между тем мы свернули к лестничному пролёту и стали подниматься на второй этаж. Я оперся на массивные деревянные перила.
- Сосна, что ли?
- Дуб, не меньше, – поглаживая перила, ответил Кравчук. – Дорогой материал... Говорю вам, солидные мертвяки здесь обитают.
- Так мы сейчас узнаем, – бодро произнёс я, догоняя нашу молчаливую провожатую. Поравнявшись с Соловьёвой, я вежливо поинтересовался:
- Куда путь держим, Анастасия Павловна?
- Смирнов? – уточнила она, мельком взглянув на меня.
- Ага.
- Второй этаж, кабинет №2114. Почти пришли.
- Какой кабинет? – удивился я.
- Вы что, глухой? Зачем переспрашивать?!
- А сколько тут кабинетов?
- Много. Вам сюда, – она указала на облезлую коричневую дверь с потёртой металлической ручкой. – Ожидайте...
- Соловьёва исчезла внутри кабинета, оставив нас в коридоре. Ко мне подошла Лика.
- Вот и всё, Виктор, – загадочно улыбнулась она. – Сейчас тебя выведут на чистую воду. Читал табличку на двери? «Старший следователь по загробным делам особой важности Синицын Тимофей Иванович».
- Я безразлично посмотрел на табличку.
- Не волнуйся, тебя это тоже ждёт.
- Мне скрывать нечего...
- Ну конечно! Лощинскому своему сказки будешь рассказывать. Кстати, почему Ксюша всё время молчит?
- У неё депрессия.
- Отчего же?
- Думала в рай попасть, а попала на разборки с дознанием.
- Правильно. Рай заслужить надо.
- Вот ты и попробуй.
- Попробую, – ехидно выдавил я.
- Из кабинета вышла Соловьёва.

– Ждите, Смирнов, вас вызовут, – бросила она. – Остальные за мной.

Группа послушно проследовала за Анастасией Павловной.

– А мы ещё увидимся?

Мой вопрос повис в воздухе. «Ну и ладно, – подумал я, присаживаясь на деревянный стул, такой же обшарпанный, как и всё, что было в этом здании. – Чем у них занимается отдел снабжения? Неужели нельзя приобрести новую мебель?»

Тут я заметил миловидную женщину, сидящую по другую сторону коридора. Она с любопытством посматривала на меня. На вид ей было лет 45. Серые зауженные брючки, бордовые туфли-лодочки с чёрным бантиком, серая водолазка с поперечными чёрными полосками. На коленях у женщины лежала огромная кожаная сумка со змеиным принтом.

Я уже хотел с ней заговорить, как дверь, возле которой она сидела, отворилась. Из кабинета вышла другая дама, чуть постарше. Поправив сзади бежевый плащ, она присела рядом с моей незнакомкой и произнесла вполголоса:

– Ну и натерпелась я, Надя, следовательно все соки из меня выжал.

– О чём говорили?

– О жизни, – вздохнула дама, стряхивая невидимую пылинку с чёрных колготок. – О моей бездарной, никчёмной жизни. Представляешь, сорок восемь лет прожила, двух детей родила, а вспомнить нечего... Он мне так и сказал: «С пустым багажом вы к нам пожаловали, Серафима Редькина».

– Так и сказал? – испуганно пролепетала Надя. – А что ещё спрашивал?

– Про смерть мою в основном. При каких обстоятельствах погибла, кого подозреваю...

Ну и прочую чепуху...

– Понятно, сейчас и меня мучить будут, – вздохнула Надежда. – Прямо как в детективном сериале «Ментовский беспредел»...

– Я другой сериал смотрю, бразильский. Называется «Шальная любовь». Оторваться не могу, жуть как интересно.

– Это ж мой любимый сериал, – подпрыгнула на стуле Надя. – Расскажи, что там произошло? Ты ведь позже меня померла?

– На 247-й серии.

– А я на 213-й...

– Так ты ничего не знаешь? – ахнула Серафима. – Там сейчас полный финиш!

– Не тяни, рассказывай! – Надежда нервно задёрнула коленками.

– Значит, так. Роберта родила тройню!

– Да ты что!

– Причём от разных мужиков...

– Офигеть, я щас сама рожу, – серые глаза Нади вылезли из орбит. – Как такое возможно?

– Легко, – кокетливо улыбнулась Серафима, мельком взглянув на меня. – В Рио, куда она поехала прошвырнуться по магазинам, случайно встретила Педро, свою давнюю любовь. Ну, там они выпили кофе, затем он пригласил её к себе показать новую квартиру... В общем, Роберта проснулась вечером одна, на кровати записка: «Прости, это была моя ошибка, больше такого не повторится. Закроешь квартиру, ключ оставь внизу у консьержа. Прощай...» – и подпись: «Педро».

– Вот козлина! – с чувством выругалась Надя. – И что дальше?

– А дальше она на нервной почве выпила у него весь запас алкоголя и рванула на тачке в Нелр, самый злачный ночной клуб (он находится прямо на пляже Копакабана). Ну и зажигала она там, скажу я тебе. Мужики с неё глаз не сводили. В конце концов проснулась Роберта с молодым парнем по имени Мигель, футболистом одной местной команды. Глядит на часы, а время-то уже десять утра!

– Ну и что?

– А то, что у неё самолёт в 11—30 в Сан-Паулу. Через два дня помолвка с Леонсио. Он, кстати, тоже в Рио прилетел инкогнито, обручальные кольца купить. Хотел сюрприз ей преподнести. Очень положительный мужчина, нравится мне...

– А третий, что за мужик? – не унималась Надя.

– Да так, проходной персонаж, помощник капитана воздушного судна, Рафаэль. Роберта выпросила у него бутылку рома на опохмелку, взамен он склонил её к интимной близости. Представляешь, прям в туалете!

– Бедняжка, – пожалела героиню бразильского сериала Надежда.

– Так что теперь у неё тройня: мальчик и две девочки... Врач Орландо, старый знакомый...

– Я его помню, у них ещё лёгкий флирт был в начале сериала, – перебила Серафиму Надя.

– Так вот. Орландо сообщил: тесты показали, что все дети от разных отцов, но Леонсио среди них нет.

– Проболтается!

– Не думаю. Он в глубине души любит Роберту и вреда причинить ей не сможет... Тем более дети... Дети-то здесь ни при чём!

– А про первого ребёнка она Леонсио рассказала? – Надя вопросительно посмотрела на подругу. – Ну того, что родила в 24-й серии от бродяги Джулиано, когда ещё в трущобах жила?

– Да что ты! – отмахнулась Редькина. – Если мать Леонсио узнает, конец их свадьбе. Вот и мучается теперь. Жалко её, такая девушка порядочная...

– Это точно, – согласилась Надежда.

– А тут ещё эта Карла!

– Кто такая?

– Продавщица из обувного, прохода ей не даёт. Влюбилась по уши.

– Вот это поворот. Умереть не встать! – Надежда снова выпучила глаза. – И что Роберта?

– Трудно сказать, – Редькина поправила упавшую на лоб прядь волос. – Она вроде бы тоже её любит. Но Леонсио... Куда его денешь? Да и деньги на дороге не валяются. Всё-таки банкир, не какой-то там забулдыга...

– Нельзя бросать Леонсио, – твёрдо произнесла Надежда. – Опять на помойке окажется... Да и о детях надо подумать...

– Я тоже так считаю, – согласилась Серафима. – Тем более, как выяснилось в последней серии, Карла – её сводная сестра, только они пока об этом не знают...

– Твою ж мать, – снова выругалась Надежда. – Ты меня сегодня раз двадцать удивила.

– Да что я... – вздохнула Редькина. – Это они в Бразилии живут, а мы так, существуем... Девушки замолчали.

В этот момент за дверью кабинета Синицына послышалась возня. Дверь отворилась. Из проёма показалась лысая голова следователя.

– Смирнов, проходите. Нечего на казнённом стуле штаны просиживать.

Я послушно зашёл в кабинет.

Тимофей Иванович Синицын, невысокий мужчина лет пятидесяти, не спеша направился на своё рабочее место, немного прихрамывая на левую ногу. Одет он был в серый бесформенный костюм и голубую рубашку с галстуком. На ногах блестели чёрные поношенные ботинки со шнурками. Единственный атрибут одежды, который выглядел более или менее сносно. Доковыляв до заляпанного синими чернилами небольшого деревянного стола, Синицын тяжело вздохнул и плюхнулся на стул, махнув мне рукой, предлагая присесть напротив. Я покорно сел на предложенное место. На столе стояли чернильница с перьевой ручкой и зелёная электрическая лампа, шнур от которой болтался у моих ног. «Интересно, – подумал я, – зачем нужна лампа, если электричества нет? Или я чего-то не знаю?» Между тем Тимофей

Иванович достал из верхнего ящика знакомую папку-скоросшиватель с надписью: «Дело №», открыл её на первой странице и, внимательно посмотрев в мою равнодушную физиономию, тягуче произнёс:

– Меня зовут Тимофей Иванович Сеницын. Старший следователь по загробным делам особой важности. . . Если вы, конечно, не знаете.

– Знаю, читал на табличке, – сказал я, осматривая помещение. Кроме стола и двух стульев в кабинете ничего не было.

Перевернув несколько страниц, Сеницын отложил папку в сторону, откинулся на стуле и сомкнул пальцы в замок.

– Ну, рассказывайте, Виктор Николаевич, как вы докатились до такой жизни? – добродушно произнёс он, просверливая меня пристальным взглядом.

– На поезде, как все остальные, – ответил я, продолжая осматривать кабинет в поисках электрической розетки. – К сожалению, не успел купить билеты на самолёт. В кассе сказали – все билеты проданы.

– В какой кассе? – удивился следователь.

– Известно в какой, которая на вокзале, левее справочной, – не моргнув глазом соврал я, решив заглянуть на всякий случай под стол. Розетка под столом также отсутствовала.

– Иронизируете, – догадался Сеницын. – А напрасно. . . Что вы там забыли под столом? Потеряли чего?

– Да, – я выпрямился и наконец посмотрел следователю в серо-зелёные глаза. – Вещичку одну обронил, амулет против нечистой силы. Достался по случаю на праздничной распродаже в загробном супермаркете.

– Правда? – улыбнулся Тимофей Иванович. Он определённо пребывал в позитивном настроении. – И как там Игнат?

– Как обычно, хамит, – ответил я и, поразмыслив, добавил: – Но вы ведь не для того меня пригласили, чтобы выведывать информацию о привокзальных мертвяках? Предупреждаю, я не стукач и сотрудничать с вами не собираюсь. . . Так что давайте перейдём сразу к делу.

– К делу так к делу, – тягуче произнёс Сеницын. – Только ведь дело ваше, Виктор Николаевич, как говорится, труба.

– Это ещё почему? – напрягся я, подозрительно посмотрев на следователя.

– Да сами посудите, – продолжал он, подвигая к себе папку. – Одни у вас в жизни недоумения, если не сказать больше.

– Это что, моё жизнеописание? – поинтересовался я, пытаюсь прочитать информацию, изложенную корявым женским почерком на листе формата А4.

– Угадали. Только в усечённом варианте. Основные моменты, так сказать.

– А где полная версия?

– У нас проблемы с грузчиками. Жить стали лучше, жить стали дольше. Да и места тут всё равно не хватит. Помещение маленькое. . . Сами видите, – Сеницын окинул грустным взглядом крохотный рабочий кабинет, – двадцать квадратных метров. . . Ну куда это годится?

– Неужели так много про мою жизнь написано? – удивился я.

– А что вы хотите? Каждое мгновение, слово в слово. Но, как я уже говорил, сотрудниками нашего аналитического отдела отобраны только основные моменты, кусочки информации. Мы их тут склеили, и получилась вот эта папка, – Сеницын бережно погладил исписанные страницы.

– У вас прямо как в песне: «Я его слепила из того, что было». . . Только любая информация может по-разному интерпретироваться. Поэтому там, где вы видите чёрное, другие увидят белое, – начал философствовать я.

– Ну, так давайте разбираться, – невозмутимо отчеканил Тимофей Иванович.

– Давайте, – с вызовом сказал я.

Следователь взял папку и углубился в чтение.

– Так, – через некоторое время произнёс он, – младенческие годы опустим... Хотя вот. В 4 года и три месяца, находясь в квартире без присмотра родителей (папа работал, мама отошла на кухню) Смирнов схватил без спросу отцовскую отвёртку и засунул её в электрическую розетку, в результате чего произошло короткое замыкание. В доме отключился свет, ровно на 24 минуты.

– Ну и что?

– В это самое время, – не обращая внимания на мою реплику, продолжал Сеницын, – соседка из 35-й квартиры снимала с газовой плиты кастрюлю с макаронами с целью пропустить мучной продукт через дуршлаг. По причине внезапно наступившей темноты она поскользнулась и вылила закипевшие макароны себе на голову, в результате чего получила ожоги различной степени и месяц пролежала в больнице №4 по улице Кирова, в палате №12.

– Протестую, я был ребёнком... Да все дети такие. И вообще, где свидетели?

– Свидетелей пока нет, – вздохнул следователь. – Живы ещё.

– Ну, – вспомнил я крылатую фразу: – На нет и суда нет.

– Так мы не в суде. Продолжим, что там у нас? – Тимофей Иванович перевернул страницу. – А, вот... В 6 лет и четыре месяца, Смирнов, насмотревшись в кинотеатре «Родина» фильмов про американских индейцев племени апачи, атаковал самодельной стрелой с железным наконечником, выточенным из гвоздя, проходящего мимо его дома мальчика Павлика Круглова. В результате выстрела, произведённого из окна подъезда пятого этажа, Круглов получил серьёзное ранение в голову.

– Да это царапина была. Моя мать ему голову промыла, забинтовала – и все дела. Мы потом даже друзьями стали.

– Кстати, хотел спросить, зачем вы надували лягушек, засовывая им соломинки в задний проход?

– Не знаю, – неожиданно покраснел я. – Они потом так смешно по воде прыгали...

– Ясенько, – Сеницын покачал головой. – Тогда про тритонов, майских жуков и голубей говорить нечего... Детские шалости...

– Ребёнок познает мир, что тут такого?

Тимофей Иванович перевернул ещё пару страниц.

– В девять лет и два месяца, – продолжал он монотонно, – Смирнов, играя в популярную детскую игру «Салочки» на крыше пятиэтажного дома №3 по улице Циолковского, столкнул вниз своего товарища Диму Жукова, пробежавшего по краю этой самой крыши. Только по счастливой случайности десятилетний мальчик в полете ухватился за сук растущего рядом дерева – канадского тополя, по стволу которого Дима благополучно спустился на землю.

– Вот видите, – с горячностью произнёс я, – все живы-здоровы. Чего зря бумагу тратить...

– Однако в результате полученного стресса мальчик начал бояться высоты (диагноз: акрофобия), что не позволило ему впоследствии поступить в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, о котором он с детства мечтал. Вместо этого Дмитрий Константинович Жуков окончил Якутский сельскохозяйственный техникум по специальности «Зоотехник», по окончании которого был принят на работу в местный совхоз им. Чапаева, где благополучно спился. В настоящее время проходит стационарное лечение в реабилитационном центре «Остановись, алкоголик!» в г. Якутске... Кроме того, Жуков страдает сложным психическим заболеванием. Ему ангелы мерещатся. Данное заболевание носит приобретённый характер, являясь следствием тяжёлой алкогольной депрессии. Не женат. Детей не имеет.

– Послушайте, Тимофей Иванович, – вновь возмутился я, – по-моему, это перебор. Получается как в фильме «Эффект бабочки». Бабочка взмахнула крылом на крыше дома, а через двадцать пять лет где-то на задворках нашей империи спился человек. Не хорошо проводить такие параллели...

– Но ведь жизнь-то ему вы сломали? – беззлобно заметил Сеницын.

– Это спорный вопрос.

– Это факт. Но не будем отвлекаться, – следователь перевернул ещё пару страниц. – В одиннадцать лет и девять месяцев, находясь на отдыхе в пионерском лагере «Щелкунчик», Смирнов, претворяя в жизнь коварный план пионервожатого второго отряда Антона Петухова, переделался в спортивную форму девочек своего отряда с целью выступления на соревнованиях по настольному теннису.

– Я же не виноват, что во всём пионерском лагере из девчонок в теннис никто не играл!

– В результате подлого обмана «девочка Смирнова» дошла до финала турнира по настольному теннису между соседними пионерскими лагерями, где в финале с разгромным счётом 3:0 по партиям обыграла ничего не подозревающую пионерку Алину Маслову...

– Она тоже спилась? – ухмыльнулся я.

– Не стерпев обидного поражения, – не обращая внимания, продолжал Сеницын, – Маслова в бешенстве швырнула теннисную ракетку в пионерку Ларису Зуеву, стоявшую неподалёку. Тяжёлая ракетка угодила ей прямо голову. От полученного удара у Зуевой ухудшилось зрение. В настоящее время женщина страдает прогрессирующей близорукостью средней степени, четыре диоптрии на оба глаза.

– Да помню я эту девочку, – воскликнул я с негодованием. – Она уже тогда очки носила. Её постоянно дразнили: «Очкарик – в попе шарик!»

– У вас, Виктор Николаевич, на все случаи отговорки имеются. А как вам это? – усмехнулся следователь, перевернув очередную страницу. – В двенадцать лет и семь месяцев Смирнов, находясь в продуктовом магазине №19 по улице Стаханова (недалеко от своего дома), воспользовался невнимательностью продавщицы магазина Пелагеи Муськиной и украл прямо с витрины четыре куриных яйца, две консервные банки «Килька в томатном соусе» и червивое яблоко сорта «Антоновка». В результате недостачи продавщицу уволили...

– Чепуха! Из-за такой ерунды её не могли выгнать с работы.

– Говоря по правде, – с грустью произнёс Тимофей Иванович, – Муськину давно хотели уволить. Искали предлог... Мы об этом потом узнали, когда она померла от инфаркта, побираясь по помойкам...

– Вот видите, – тут же преобразился я.

– Однако, Виктор Николаевич, – резонно заметил Сеницын, – вы тоже приложили к этому руку. Или, точнее, обе руки... Вот такой у нас получается портрет.

Следователь вновь отодвинул папку в сторону, откинулся на стуле и сложил пальцы в замок.

– Какой портрет? – напрягся я.

– Ваш, так сказать, моральный облик. И картина, скажу я вам, невесёлая... Животных мучили? – Мучили. Детей обманывали? Людям вред причиняли, воровали... И это, заметьте, только детские годы... Представляю, что дальше будет, – Тимофей Иванович кивнул на бумажную папку.

– Можно подумать, у вас в жизни всё было гладко, – огрызнулся я, поглядывая на входную дверь. – Тоже небось дел наделали... До сих пор в кабинете штаны просиживаете, измываетесь над несчастными усопшими...

– Не надо грубить, Смирнов, – недовольно сказал Сеницын, нахмутив мохнатые брови. – За мои дела я отвечу сам, а вы извольте отвечать за свои.

– А я не грублю. «Просиживать штаны» – ваше выражение. Забыли?

– Ну, будет, будет, – смягчился следователь, отечески посмотрев на меня. – Нам ещё долго беседовать...

– А как же перерыв на обед? – рискнул пошутить я.

– Вы разве не знаете? Покойники не едят.

– Откуда ж мне знать?

– А профессора Лощинского тоже не знаете? – неожиданно сменил тему разговора Синицын.

«Ага, – подумал я, – вот где собака порылась! Ловко этот следователь-прохвост паутину сплёл. Не на того напал, злодей!»

– Не знаю, – невозмутимо заявил я, вызывающе посмотрев на Синицына. – Первый раз эту фамилию слышу.

– Да знаете, Виктор, – раздался за спиной молодежавый голос. – Нехорошо от старых приятелей отрекаться.

Я резко обернулся.

В дверном проходе, улыбаясь и поглаживая тонкую седую бородку, стоял Андрей Борисович Лощинский собственной персоной.

– Вот тебе бабушка и Юрьев день, – только и смог сказать я, подскочив со стула. – Здравствуйте, приехали...

Глава 3

– Я тоже рад вас видеть, Виктор, – добродушно проговорил Лощинский и, обращаясь к Сеницыну, поинтересовался: – Тимофей, как тебе мой боевой товарищ?

– Крепкий орешек, – улыбнулся следователь. – Впрочем, ты предупреждал...

– Думаешь, согдится для ответственной работы?

– Трудно сказать, – Сеницын оценивающе поглядел на меня. – Болтает много. Причём, всякую ерунду. Огрызается... Хотя тебе виднее... У тебя всегда было своё, особое мнение. Намучаешься ты с этим оболтусом...

– Скажете тоже, оболтус, – обиженно произнёс я. – Андрей Борисович, а что за «ответственная работа»? Меня тестировали? Загробным диверсантом хотите сделать?

– Я же говорю – болтун, – усмехнулся Тимофей Иванович. – Надо такое выдумать: «загробный диверсант»...

– Это не моя фраза, – возразил я, вспомнив демагога Спиридонова. – Лучше объясните, что со мной дальше будет?

– Скажем так, Виктор. Беру вас под своё крыло, – вновь улыбнулся Лощинский. – Пойдёте ко мне стажёром?

– Пойду, – твёрдо выговорил я. – Надоело быть безмозглым кроликом, над которым проводят несанкционированные эксперименты...

– Ну так пошли, – сказал Андрей Борисович, открывая обшарпанную дверь кабинета. – У меня как раз для вас работёнка имеется.

– А с этим что? – Тимофей Иванович подвинул бумажную папку с моим делом на край стола.

– Пусть пока у тебя полежит, всему своё время.

– Как скажешь, – махнул рукой Сеницын, убирая папку обратно в ящик. С руководством сам разбираться будешь. Это они тебе расширенные полномочия дали... Только непонятно зачем...

– Не ворчи, Тимофей, разберёмся, – сказал профессор, выходя из кабинета. Я поспешил за ним.

Пройдя по коридору несколько шагов, Андрей Борисович вдруг остановился, стукнул ладонью по морщинистому лбу и резко развернулся в обратную сторону.

– В чём дело? – поинтересовался я.

– Виктор, подождите меня, я ненадолго. Надо пару слов Сеницыну сказать, – озабоченно произнёс он, проскакывая в кабинет следователя.

– Хорошо, – безразлично промолвил я, присаживаясь на стул.

Напротив с печальными физиономиями сидели любительницы сериалов Надежда и Серафима. Мне захотелось немного приободрить загрустивших дам. Я встал со своего места и подсел к Серафиме. Женщина испуганно посмотрела на меня.

– Случайно услышал, вы интересуетесь бразильским сериалом «Шальная любовь»? – перешёл я сразу к делу.

– Не то чтобы интересуемся, – осторожно произнесла Серафима, тревожно поглядывая на подругу. – Смотрим в свободное время, когда работы по хозяйству нет.

– То есть смотрели, – поправила Серафиму Надя. – А вы с какой целью спрашиваете?

– Мне тоже нравится этот сериал, – начал сочинять я. – Хорошая режиссёрская работа, отличный актёрский состав, качественные спецэффекты...

– Да какие там спецэффекты? – удивилась Редькина. – Все действия происходят в квартирах и офисных учреждениях... Ну на улице немного, в кафе...

– А как же сцена в больнице с операцией по изменению пола? Так подробно всё продемонстрировали, в деталях, аж дух захватывает, – я изобразил на лице показное изумление.

– А кому операцию делали? – занервничала Надежда.

– Так вы не знаете? – скорчил я очередную заговорщицкую гримасу. – Карле, разумеется, продавщице обувного магазина. Только теперь она не Карла, а Карлос Эдуарду, возлюбленный Роберты. У них свадьба в Сан-Паулу в 250-й серии. Незадолго до смерти видел анонс заключительных серий в перерыве одного футбольного матча.

– А-а-а! – завизжала Надежда, вскакивая со стула. – Как же Леонсио, дети...

– Мать Леонсио, наверное, с ума сошла, – испуганно выдохнула Серафима. – Просто в голове не укладывается... Вот это поворот.

– Детей поделили, – продолжал выдумывать я на ходу. – Одну девочку Роберта отдала Леонсио, в память об их безумной страсти, другую – врачу Орландо (он помог Карле организовать операцию по изменению пола). Ну а мальчика оставили себе. Всё-таки нужен хоть один мужик в доме. Вырастет, глядишь, кран водопроводный починит, или перегоревшую лампочку поменяет, или ещё чего...

– Молодец Роберта. По справедливости поступила, – уверенно произнесла Редькина. – Представляешь, какие мозги! Я бы никогда до такого не додумалась.

– Теперь и у Орландо жизнь наладится, – согласилась с подругой Надежда. – Так бы шлялся по кабакам, подцепил какую-нибудь шалаву. Она бы всю жизнь ему испортила.

– Точно. С грудным ребёнком на руках по кабакам не походишь. Повезло ему...

В это время из кабинета следователя Синицына вышел Лощинский.

– Виктор, вас на минуту одного нельзя оставить, сразу знакомства заводите, – усмехнулся он. – Причём, хочу заметить, исключительно с женским полом. Прямо загробный ловелас.

– Кто бы говорил, Андрей Борисович, – парировал я, поднимаясь со стула. – Ну как, посекретничали с моим коварным следователем?

– Не выдумывайте. Тимофей Иванович – порядочный и ответственный работник...

– Вам виднее, хотя взятки он точно не берет.

– И как вы пришли к такому поразительному заключению?

– А что там заключать? Одет, как бомж, в кабинете шаром покати. Нищета следственная, одним словом. Вы бы ему сказали, чтобы привёл себя в порядок. Попадётся солидный мертвяк на дознание, сраму не оберёшься... Стыдоба.

– Всё-таки невоспитанный вы усопший, Смирнов... Ну да ладно. Пойдёмте уже. И так много времени потеряли.

Лощинский засеменил по коридору. Я последовал за ним.

– А как же Роберта? – одновременно выкрикнули Надежда и Серафима.

Я обернулся.

– А что Роберта? Сериал заканчивается. Скоро новый начнётся. Говорят, ещё круче будет. Называется: «Ни дня без любви», вроде эротический...

– Да куда уж круче! – с сомнением произнесла Редькина.

– Не переживайте. Узнаю, чем всё закончилось, обязательно расскажу. Так что до скорого, – я махнул рукой и быстрым шагом устремился догонять профессора. Он уже удалился на приличное расстояние.

– До свидания, – услышал я женские голоса за спиной. – Будем ждать с нетерпением.

– И что вы им наобещали, Виктор? – поинтересовался Андрей Борисович, поджидавший меня на лестнице.

– Пустяки, – улыбнулся я. – Куда путь держим?

– На пятый этаж.

– А сколько в здании этажей?

– Семнадцать вверх, – ответил Лощинский.

– Вверх? – удивился я.

– Есть ещё нижние этажи, подземные помещения. Но сколько их, никто точно не знает. Я туда редко спускаюсь, только когда в архивах надо покопаться...

– В которых хранятся истории наших приключений в мире живых? А как эта информация сюда попадает?

– Как «информация». Вы же программист. Чем на гражданке занимались?

– Разрабатывал поисковые системы.

– Тем более должны знать.

– Поясните.

– Пожалуйста, только по-простому, у меня всё-таки другой профиль, филологический...

– Не прибедняйтесь, Андрей Борисович, – улыбнулся я, поднимаясь за профессором по лестнице. – Глубина ваших знаний мне известна... В общих чертах.

– Как я уже говорил, – начал Лощинский, – человеческий мозг – самый мощный биологический компьютер, в котором содержится вся информация о нашей жизни. Хочу подчеркнуть, вся информация. Секунда в секунду. Размещается она условно в двух секторах головного мозга: внутреннем и внешнем. Помните, как в обычных компьютерах? Оперативная память и жёсткий диск. В оперативке хранится информация, необходимая для запуска системы, а на диске всё остальное: нужное и ненужное.

– Эти азы можно не объяснять, их даже дети знают, – перебил я профессора.

Мы уже шли по пятому этажу, пересекая бесконечные коридоры, словно перекрёстки автомобильных дорог.

– Так вот, – продолжал Андрей Борисович. – Человек в повседневной жизни использует только ту информацию, которая необходима для его жизнедеятельности в данный конкретный промежуток времени. Вы же не помните посекундно, что с вами происходило десять, пятнадцать лет назад? Вы помните только основные, самые яркие моменты. Определённых людей, события и т. п. Эта информация хранится во внутреннем секторе головного мозга (считайте её оперативной памятью). Посекундный вариант всей вашей жизни хранится во внешнем секторе (соответственно, внешний диск). После смерти информация из внешнего сектора поступает в виде готового файла в основной компьютер, или, если хотите, на сервер Высшего Энергетического Разума.

– То есть как поступает? – улыбнулся я. – По Wi-Fi, что ли?

– Если вы имеете в виду принцип беспроводной передачи информации, то да.

– И что происходит потом?

– Эта информация хранится на сервере до тех пор, пока не возникнет необходимость в её детальном изучении и фиксации на бумажном носителе.

– А необходимость наступает, когда человек попадает в потусторонний мир, – догадался я.

– Вот именно. Усопший ещё только ожидает прибытия поезда, а сотрудники нашего аналитического отдела уже записывают полученную с сервера информацию обо всей его жизни на бумагу, формируя специальные папки (наподобие вашей), которые затем передают в загробный архив на хранение.

– Погодите, профессор, я что-то не понял. Каким образом ваши сотрудники получают эти файлы? У них что, связь с космосом?

– Не с космосом, Виктор, – Лощинский посмотрел на меня с упрёком. – Я вам уже объяснял. Покойники общаются друг с другом телепатически, через специальный канал, который открывается сразу после смерти. Вспоминайте... Вот мы, например, с вами сейчас не разговариваем, а просто передаём друг другу информацию. А шевеление губ, мимика лица и прочее – лишь фантазия...

– Довольно тяжело такое осознать, – задумался я. – Но про специальный канал вы точно не говорили.

– Так вот, – продолжал профессор, – существует ещё один канал, который предназначен для приёма информации с сервера Высшего Энергетического Разума, в виде законченных файлов.

– Это вроде многоканальной системы обработки и передачи информации? – вспомнил я. – В институте её изучали...

– Сотрудник аналитического отдела настраивается на частоту этого канала и получает необходимый файл. Всё просто.

– А как это выглядит на практике? – не унимался я.

– В здании Регионального управления находится много отделов, – устало выговорил профессор, продолжая идти по бесконечному коридору. – Все отделы я и сам не знаю. Аналитический находится на третьем нижнем уровне здания. Это такой огромный зал со столами и стульями. На них покойники сидят и постоянно что-то пишут. Как вам ещё объяснить?

– Не нервничайте, Андрей Борисович, – попытался успокоить я Лощинского. – Просто хочется понять, как система работает. Я же всё-таки программист... Если есть ещё один канал, то почему я его не ощущаю?

– Потому что частоты этого канала проходят только по третьему уровню здания. Как только вы туда попадёте, канал сразу откроется.

– То есть специальных навыков для работы в этом отделе усопшим не требуется?

– Нет, конечно. Даже вы сможете там трудиться. Только вам в аналитическом отделе не понравится, – усмехнулся Лощинский.

– Это ещё почему?

– Сдаётся мне, Виктор, вы работать не любите.

– Чепуха. Всю жизнь работал, пока не помер.

– Неужели? А кто два года назад был уволен из ООО «Прохладные огнетушители» за систематические опоздания на работу?

– Я уволился по собственному желанию. Начальник отдела информационной безопасности не хотел отпускать меня на выездные матчи «Локомотива».

– Естественно, кто вас отпустит в рабочее время? Зарплату, небось, вовремя получали, в полном объёме?

– Откуда вы знаете? – с подозрением произнёс я. – Читали моё досье?

– Всего несколько страниц, бегло... Да там и читать нечего... Сплошные недоразумения...

– Заговорили, как следователь Сеницын, – ухмыльнулся я. – Впрочем, вернёмся к передаче информации. Как всё-таки работает многоканальная система?

– Ну, хорошо, Виктор, – вздохнул профессор. – Сотрудник аналитического отдела мысленно настраивается на частоту передающего канала и получает файл с жизнеописанием вновь поступившего усопшего, считывает его и переносит информацию на бумажный носитель. Готовые папки передаёт в архив. Затем получает новый файл рандомным, или, если хотите, случайным образом, и снова считывает, записывает и так далее...

– То есть сам сотрудник не знает, кто именно попадётся ему на крючок?

– Разумеется, нет.

– А зачем всё это записывать? Почему нельзя хранить информацию в электронном виде? Бумаги не напасёшься...

– Виктор, – поучительно заметил Лощинский, – нет здесь никакого «электронного вида». Есть память конкретной энергетической оболочки. Она есть у меня, у вас, у всех усопших и у живых людей тоже. Проблема в том, что у этой памяти слишком маленький объём, и она неспособна хранить такое количество информации. Поэтому приходится всё считывать и запи-

сывать. По сути, мы все, и живые и мёртвые, являемся небольшими стационарными компьютерами, которые сохраняют и передают информацию на сервер Высшего Энергетического Разума в постоянном режиме. Однако сформировать файл живого организма в принципе невозможно. Такая информация будет неполной. Кроме того, изъяв память из мозга человека, можно элементарно ему навредить, что, по-видимому, не входит в планы ВЭР.

– Тогда мы не стационарные компьютеры, а ноутбуки. Всё время перемещаемся, а розеток подзарядиться нет, – улыбнулся я. – Даже в кабинете Сеницына, сам проверял.

– Подзарядка нам не нужна. В энергетических оболочках предусмотрена аккумуляторная батарея с неисчерпаемым запасом энергии, – тоже улыбнулся Андрей Борисович.

– Какая батарея?

– Энергетическая. Наша с вами оболочка и есть аккумулятор.

– Очередная научная теория?

– Я в этом абсолютно убеждён, – твёрдо произнёс Лоцинский. – По-другому просто быть не может.

– Ясно, – пробормотал я, заметив, что профессор сбавил шаг.

– Ну вот, пришли наконец-то, – облегчённо выговорил Андрей Борисович, открывая дверь кабинета №5454. Я остановился, чтобы прочесть надпись на пластиковой табличке, которая гласила: «Начальник группы оперативного реагирования» – и чуть ниже: «Лоцинский А. Б.»

– Ого, – воскликнул я, заходя в кабинет профессора. – Начальник группы... А группа-то где?

– Уже давно в сборе, Витя, – услышал я бодрый голос Лики. – Только тебя и ожидаем. Я остановился и оглядел помещение.

Апартаменты Лоцинского отличались от кабинета следователя Сеницына размерами, количеством мебели и наличием на полу новенького коврового покрытия зеленоватого цвета. В просторной прямоугольной комнате размещались пять офисных столов с деревянными стульями – по два стула у каждого стола, один из которых предназначался для посетителей, – и серый металлический сейф. Столы располагались вдоль стен по две штуки с каждой стороны. За тремя столами сидели заслуженный шаман Боян, Кравчук и Ксения. Профессорский стол находился у дальней стены, как раз напротив входной двери. Окон в помещении не было. Посередине комнаты, кокетливо улыбаясь, скакала Лика, периодически делая резкие наклоны влево и вправо, напоминающие ритмичные движения зажигательного латиноамериканского танца. Постепенно она перешла на танец живота, слегка поворачиваясь ко мне вполоборота и вращая упругими бёдрами в такт воображаемой восточной музыке. Это выглядело очень эффектно. На меня опять напала романтическая тоска...

– Нравится, Виктор? – мило улыбнулась Лика, поймав мой печальный взгляд. – Ну посмотри!

Девушка повернулась ко мне спиной и принялась крутить бёдрами в бешеном темпе, плавно опуская и поднимая руки и делая ими различные волнообразные движения. Фёдор звонко хлопал в ладоши, периодически выкрикивая странное слово: «Опа».

– Ребята, хватит дурачиться, – добродушно сказал Лоцинский. – Усаживайтесь где удобно, есть разговор.

– Уже уселись, – довольно произнёс Кравчук. – Только вас с Виктором и ждём...

– И давно ждёте? – поинтересовался я, ни к кому не обращаясь конкретно. – Быстро вам грехи отпустили, ничего не скажешь...

– А никто нам грехи не отпускал, – заметил тувинский шаман Боян, откинувшись на спинку стула. – Референт Соловьёва привела сразу сюда, в кабинет профессора.

– Получается, грехов-то у нас нет, – весело зашебетала Лика, присаживаясь за свободный стол. Я сел напротив, сказав с обидой:

– Что же это такое?! Значит, всех на волю, а меня на экзекуцию отправили?

– Простите, Виктор, – извинился Лощинский. – Тимофей Иванович, мой коллега, хотел познакомиться поближе. Прощупать, так сказать, почву... Я ему много о вас рассказывал... Хорошее, разумеется.

– Ненавижу, когда шупают, – брезгливо поморщился я. – А ещё терпеть не могу, когда из меня подопытную крысу делают.

– Вы, вообще-то, про кролика говорили, – напомнил Андрей Борисович, перемещаясь к своему столу.

– Неважно, – отмахнулся я. – Рассказывайте, что за дело, зачем всех собрали...

Профессор поправил съехавшие на кончик носа очки, кашлянул пару раз в кулак и, окинув нас пристальным взглядом, торжественно произнёс:

– Дорогие друзья! Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо. Я набираю группу для очень нужной и интересной работы, связанной с конвертацией энергетических субстанций, находящихся в состоянии нестабильной стагнации, в форму сбалансированного покоя.

В комнате воцарилась мёртвая тишина. Первым подал голос заслуженный шаман Боян:

– Андрей Борисович, объясните проще. Пожалейте Кравчука... Видите, как у него глаза округлились?

– Можно и попроще, – согласился профессор. – Как вам известно, «покойник» происходит от слова «покой»... Однако никакого покоя усопший в потустороннем мире не ощущает. Я вообще не понимаю, кому пришло в голову назвать мёртвого человека покойником!

– А как же его назвать? – включилась в разговор Ксения.

– Трупом, разумеется. Так правильнее с медицинской точки зрения да и с точки зрения лингвистики тоже.

– Что вы имеете в виду? – заинтересовался тувинский шаман.

– А то, что существительные «мертвец, усопший, покойник, почивший» и т. д. относятся к одушевлённым предметам, а вот «труп» – к неодушевлённым. Поэтому мёртвого человека правильнее называть именно трупом.

– Вот ещё, «одушевлённый мертвец»... Ерунда какая-то, – ухмыльнулся Фёдор.

– Не ерунда, а объективный языковой фактор, – высказал очередную заумную мысль профессор. – Впрочем, нет смысла вдаваться в лингвистические тонкости. Поверьте на слово.

– Обращаюсь ко всем, – серьёзно произнёс я. – Прощу впредь меня трупом не называть!

– И меня тоже, – заявил Кравчук, одобрительно поглядывая в мою сторону.

– Но не будем отвлекаться, – продолжал профессор. – Усопший, попадая в потусторонний мир, зачастую ведёт себя неадекватно: суетится, нервничает, проявляет крайнюю возбудимость и беспричинное беспокойство.

– Скажете тоже, «беспричинное», – усмехнулся я.

– В результате такая оболочка теряет энергетическую стабильность, что делает невозможным её дальнейшее перемещение в конечный пункт назначения. Если это состояние принимает устойчивую форму, покойника доставляют в Региональное управление, то есть к нам. Соответственно, наша задача – разобраться, что тревожит усопшего, и помочь в решении его проблемы. Вот, собственно, и всё, – закончил Андрей Борисович.

– А почему группа называется «Группой оперативного реагирования»? – заинтересовался Кравчук. – В чём её оперативность?

– В расширенных полномочиях. Вернее, всего в одном, но очень существенном.

– Расскажешь нам? – улыбнулась Лика. – Или это секрет?

– В отличие от других подразделений Регионального управления, только сотрудники нашей группы могут перемещаться по служебной необходимости на любые объекты потустороннего мира. В том числе на вокзал, с которого вас доставили. Это, кстати, указано в должностных регламентах, хранящихся в персональном сейфе, – Лощинский кивнул в сторону

металлического ящика. – Поэтому прошу ответить на простой вопрос: согласны ли вы работать в группе под моих условным руководством? Начальников, как таковых, в Управлении не предусмотрено – в соответствии со штатным расписанием.

– Я согласна! – воскликнула Лика, улыбаясь. – За тобой хоть в огонь.

– А я, как Виктор, – немного замявшись, сообщил Кравчук. – Мне без него скучно будет...

Все посмотрели на меня.

– Андрей Борисович, – сказал я после паузы, – а что случилось с предыдущими сотрудниками вашей группы? Вы ведь не в первый раз её формируете?

– Это шестая группа по счету. Ребята уехали в конечный пункт назначения.

– Как уехали? – удивился тувинский шаман. – Взяли и уехали?

– Послушайте, Ростислав, – поучительно произнёс Лощинский, – потусторонний мир – истинно демократическое общество. Если хотите, демократия в чистом виде. Судите сами, в этом мире нет богатых и бедных, нет зависти и злобы, не надо никого завоёвывать и вешать лапшу на уши... Даже еда и жилье не нужны. Короче говоря, не за что бороться, кроме как за свою беспокойную душу (образно выражаясь). Здесь всё принадлежит народу, хоть и мёртвому. Единственное отличие от общепринятой демократии, которая подразумевает метод коллективного принятия решений, в том, что в потустороннем мире решения принимает сам усопший, так сказать, в одностороннем порядке.

– То есть демократия индивидуумов?

– Да, если угодно. Поэтому любой усопший сам определяет, когда ему уезжать. Это называется «свободой выбора».

– Получается, мы можем в любое время сесть на поезд и уехать? – удивилась Ксюша.

– Конечно.

– Тогда я уезжаю, – уверенно сказала Устинова, направившись к выходу. – Мне здесь не нравится, больно тоскливо. Молодёжи мало, дискотек и вовсе нет...

– Подожди, Ксюша, я с тобой, – воскликнул шаман Ббян, подсакивая со стула. – Хочется всё-таки узнать, что там, в конце тоннеля. Я, по сути, всю жизнь посвятил этому вопросу. Так чего откладывать?

– Витя, а ты? – томно произнесла Лика, умоляюще взглянув на меня.

В очередной раз я не смог воспротивиться её женским чарам.

– Профессор, а молоко за вредность давать будут?

– Молоко не обещаю, зато гарантирую массу впечатлений и незабываемых приключений.

Вы ведь у нас романтик, Виктор, хоть и довольно эксцентричный.

Я ещё раз посмотрел на Лику. Она невинно хлопала длинными ресничками, вода указательным пальчиком по офисному столу.

– Уговорили, остаюсь, – сдался я.

– И я тоже, – подал голос Кравчук.

– Вот и отлично, – профессор удовлетворённо потёр руки. В глубине души я надеялся, что вы с Фёдором останетесь. И, как видите, не ошибся.

– Раз все определились, – попытожила Лика, – давайте проводим Ростислава и Ксению. Посадим на поезд... Жаль, конечно, что вы нас покидаете, ребята. Вместе веселее...

– Профессор, – поинтересовался я, – а где можно посмотреть расписание движения поездов?

– Нигде. Такого расписания не существует. Будем ждать, пока поезд не придёт.

– Ясно. Тогда в путь-дорогу! – воскликнул я, вставая. – Надеюсь, Ксюша не пожалеет о своём решении. Ведь это она давеча говорила: «Если едем с шаманом Ббяном, рая нам не видать».

– Поеду в другом вагоне, – фыркнула Устинова, выскакивая в коридор. Мы последовали за ней.

Глава 4

– Андрей, когда наконец этот поезд придёт? – недовольно пробурчала Лика, торопливо прохаживаясь взад-вперёд по перрону. – Я уже все глаза проглядела.

Мы с Лощинским и Кравчуком сидели на скамейке, наблюдая за нервическими перемещениями девушки. Фёдор гладил скамейку, приговаривая: «Добротная скамья. Чугунное литье, дерево – вишня...» Таких скамеек на перроне было не менее десяти. У самого края платформы в позе молчаливого ожидания застыли Ростислав Ббян и Ксюша. Они тоскливо вглядывались в бескрайнюю даль загробного пространства, выискивая на горизонте долгожданные клубы белоснежного дыма и ловя малейшие звуки, хоть отдалённо напоминающие паровозный гудок.

– Ты куда-то торопишься? – профессор улыбнулся.

– Просто люблю определённую.

– Определённо утверждаю: поезд обязательно придёт!

– Иногда, Андрей, ты бываешь невыносим, – Лика обиженно надула губки.

К нам подошёл тувинский шаман. Его лицо было чем-то озабочено.

– Послушайте, профессор, – обратился он, – я тут подумал... Что если в вагоне свободных мест не будет? Другой поезд ждать?

– Не волнуйтесь. Ваши места никто не займёт. Собственно, это те же места, на которые вас разместили при отправлении.

– Они что, забронированы?

– Можно и так сказать. Дело в том, что посадочные места сохраняются за усопшими до тех пор, пока их не доставят в конечный пункт назначения. Вас ещё не доставили, значит, и места свободны, – Андрей Борисович, заложил руки за голову и лениво потянулся. – Кстати, с проводником тоже знакомиться не придётся...

– Почему? – Ростислав удивлённо посмотрел на профессора.

– Потому что вы его знаете. Это Гринько Семён Никанорович... Забыли, кто вас в Управление сопровождал?

– Он что, вечный проводник вагона? Без выходных работает?

– Видимо, выбора нет, – предположил Кравчук. – Мучается бедолага...

– Ага, дёрганый товарищ, – подтвердил я.

– Выбор всегда есть, – философски заметил Лощинский. – Думаете, усопших силой на службе удерживают? Ничего подобного! Они сами никуда не едут. Работают и ждут своего часа... Гринько из их числа.

– А как они понимают, что час настал?

– Трудно сказать, – профессор почесал лысину. – В какой-то момент осознают, что миссия закончена, успокаиваются и идут на поезд. Видимо, больше их ничего не держит.

– Как Шнейдера? – улыбнулся я. – Помните, его могила не отпускала, сковала пудовыми цепями... А что держит проводника Гринько?

– Полагаю, чувство вины. Он при жизни попал в неприятную историю (работал проводником на поездах дальнего следования). Однажды его попросили сопроводить десятилетнего мальчика в соседний город. Родители отправляли ребёнка к бабушке, сами поехать не смогли. Оформили на Гринько нотариальную доверенность, как полагается. Дали денег за оказание услуги... Обычное дело. Семён Никанорович часто детей сопровождал. Всё-таки проводник со стажем, человек опытный... Да и на службе о нём отзывались положительно: ответственный работник, всё доводил до конца. В общем, посадили ребёнка в вагон. Поезд тронулся, Семён Никанорович отвёл мальчика в своё купе. Чаю налил, конфет с пряниками из собственных запасов выделил. Вдруг слышит, шум за дверь, женщина кричит: «Помогите! Убивают...»

Оказалось, в соседнем купе сцепились два здоровых мужика... Места не поделили. В железнодорожной кассе по ошибке два билета на одно место продали. А поезд битком забит. Время отпусков, все на море хотят. Получается, кто-то должен сойти. У обоих семьи, чемоданы, и путёвки в санаторий оплачены. Короче, Гринько бросился их разнимать... В пылу борьбы один из драчунов отшвырнул назойливого проводника в сторону, да так сильно, что Семён Никанорович ударился головой о выступ оконного поручня и скончался на месте. Лощинский тяжело вздохнул, задумчиво посмотрев куда-то за горизонт.

– А что с ребёнком? – жалобно пролепетала Лика.

– Доставили бабушке, как положено.

– Так чего Гринько переживает? В чём его вина?

– В том, милая, что не выполнил он поручение родителей. Вот и мучается теперь.

– Правильно, – усмехнулся я. – Денег взял, а дело не сделал. Ксюша, как ты таких людей называешь? Аферисты или крохоборы? Не припомню уже...

Ксения мельком посмотрела на меня, недовольно фыркнула и вновь уставилась в загробную даль.

– В результате, – подвёл краткий итог Андрей Борисович, – у Семёна Никаноровича, обнаружилась маниакально-депрессивная склонность, выражающаяся в стремлении доставить пассажиров до конечного пункта назначения любой ценой.

– Он что, психопат?

– Нет, – улыбнулся профессор, – Гринько – добросовестный работник. Между прочим, сопровождать усопших в Региональное управление не входит в его обязанности (за исключением экстренных случаев). Он это делает добровольно... Думает, если побыстрее с покойниками разберутся, они на поезд раньше сядут и приедут наконец куда надо. Тогда его душа успокоится... Такая история.

– Получается, мы с ним повязаны, – подключился к разговору Кравчук. – Куда мы – туда и он.

– Верно. Семён Никанорович – проводник. В прямом и переносном смысле.

– Ах, как это романтично, – лирически произнесла Лика, поправляя рукой упавшую прядь каштановых волос. – Проводник по загробному миру провожает усопших в неизведанный путь...

– Что тут романтичного? – возразил Ббян. – Обычная работа, только в специфических условиях. Может, у него на роду написано быть проводником в живом и потустороннем мире.

– Вам виднее, Ростислав, что у людей на роду написано, – ехидно улыбнулся я. – Вы ведь у нас шаман. Наверное, и судьбу предсказывали по желанию трудящихся?

– Предсказания никогда не практиковал, – обиделся Ббян. – Я лишь передавал информацию, полученную от душ умерших. Предсказаниями занимались другие люди. Например, товарищ Нострадамус.

– Предсказания и пророчества – полная чушь и бессмыслица! – с горячностью сказал Лощинский.

– Не согласна, – решила поспорить Лика. – Мне всегда было интересно узнать, что человечество ждёт в будущем... И не только мне...

– А зачем тебе это знать? – Андрей Борисович резко поднялся со скамейки и сделал несколько шагов по направлению к девушке. – К примеру, пророки говорят: «В 2047 году на Землю свалится гигантский астероид, который всё вокруг уничтожит». Или: «В результате генетических экспериментов огромный трёхголовый крокодил-мутант сожрёт полнаселения Африки». Ну и что? Люди всё равно умрут, в независимости от астероида и других апокалиптических событий. Вот если бы учёные придумали формулу бессмертия – дело другое. А так, вся эта болтовня смахивает на хорошо продуманную коммерческую акцию с целью обобрать до нитки суеверный народ. Помните, как в Америке пугали атомной бомбёжкой в 1950-е годы?

После этого в стране начался настоящий бум строительства бомбоубежищ. Тогда собственными бункерами обзавелись более 200 тысяч американских семей. Представляете, сколько денег получили от своих граждан проклятые капиталисты! Поэтому, уверяю вас, пророчества и предсказания – всего лишь один из способов лёгкой наживы.

Лощинский достал из кармана брюк носовой платок и потёр им морщинистый лоб.

– Не нервничай так, Андрюша, – ласково прошептала Лика. – Я с тобой в целом согласна. Хотя дело не только в деньгах. Просто человек по природе своей любознателен, а жизненная рутина очень надоедает. Вот люди и ищут новые впечатления... В конце концов, участвовать в философских диспутах мне совсем не интересно, а вот узнать, какая страна первой уйдёт под воду при глобальном потеплении, – даже очень.

– А-а, – безнадежно отмахнулся профессор, садясь на скамейку.

Лика и тувинский шаман присели рядом.

Вдалеке послышался писклявый гудок паровоза.

– Едет, едет, – замахала нам Ксюша.

Мы дружно встали и подошли к краю платформы. Поезд медленно подкатил к перрону. Из второго вагона как ни в чём не бывало выскочил проводник Гринько.

– Устинова – купе №2, место 7. Боян – купе №3, место 9, – сурово произнёс он. – Проходим на посадку, не задерживаем поезд...

Ксюша и Ростислав спешно загрузились в вагон.

– Хватит надрываться, Семён, – добродушно произнёс Лощинский, по привычке поглаживая седую бородку. – Начальства всё равно нет, у них летучка. Минут двадцать как началась.

– Не положено, Андрей Борисович, – учтиво сказал Гринько, заскакивая на подножку тамбура. – Порядок есть порядок... Сами понимаете.

Поезд, постояв пару минут, издал протяжный гудок и тронулся в путь. Из окна вагона на нас смотрели Ксюша и Ростислав. Лика помахала им рукой. На её глазах выступили слезы.

– Этот поезд такой же сумасшедший, как и проводник, – жалобно произнесла она, вглядываясь в печальные лица отъезжающих товарищей. – Даже попрощаться толком не успели...

– Желаю удачи! – прокричал Кравчук, потрясая кулаками над головой.

Я тоже вяло махнул рукой, подумав: «Зря я остался. Чую, добром это не кончится...»

Поезд скрылся из виду. Мы отправились обратно в Управление. На душе было тяжело и тоскливо. Мною овладело уныние.

– О чём задумались, Виктор? – поинтересовался Лощинский, заметив моё подавленное состояние.

Я посмотрел в умные глаза профессора.

– Меня всё время мучает один вопрос... Вернее два.

– Какие?

– Во-первых, – я загнул средний палец левой руки, – какое задание вы выполняли в момент нашей случайной встречи в кафе «Нежданная встреча»? И второе (я загнул указательный палец), как и куда вам удалось исчезнуть из загробного поезда. А главное, зачем?

– Вы ещё спросите: «На кого работаешь, Иуда?» – звонко рассмеялся Андрей Борисович, подходя к зданию Регионального управления.

– Вы не ответили на вопрос, – пожал я плечами.

– У вас много вопросов, – уклончиво произнёс профессор, открывая массивные двери.

У турникета нас встретил пузатый охранник Бойко. Рядом с ним стоял длинный тощий очкарик в сером клетчатом костюме, бежевой водолазке и чёрных ботинках на шнурках. Он что-то показывал охраннику, усиленно водя карандашом по листку бумаги и приговаривая:

– Видите, Василий Иванович? Если увеличить диаметр осевого стержня, радиус сигнала увеличится почти в полтора раза...

– Долго же вы поезда ждали, Андрей Борисович, – поприветствовал Бойко Лощинского. – Проводили своих ребят?

– Проводили, – вздохнул профессор и, кивая на очкарика, произнёс: – Ну как, замучил тебя наш чудо-изобретатель Нестеров?

– Замучил, – подтвердил Бойко, украдкой поглядывая на штаны Кравчука. – Такими терминами выражается, понять не могу...

– Так тебе и не надо... Объясни, чего ты хочешь, своими словами, а он всё сделает. Сотрудник грамотный. Лучший технарь в Управлении.

– Спасибо за содействие... Я тут хотел спросить, – охранник перешёл на шёпот, – тот здоровяк ничего с перрона не прихватил запрещённого? По-моему, напихал контрабанду в карманы. Смотрите, как они оттопырились.

Лощинский посмотрел на Фёдора.

– Послушай, Василий Иванович, – отчётливо выговорил он, – эти ребята – моя новая команда. А ты знаешь, у моей группы расширенные полномочия. Так что не взъищи, он теперь неприкасаемая личность.

– Всё понял, – почтительно закивал Бойко. – Вопросов больше не имею.

– Вот и отлично, – с удовлетворением произнёс профессор и, обращаясь к Нестерову, поинтересовался: – Ну что, Григорий, порадуешь нас новыми разработками?

– Ещё какими! – с энтузиазмом воскликнул изобретатель, доставая из кармана круглую жестянку, напоминающую банку с кремом для обуви.

Мы с Кравчуком подошли вплотную посмотреть на чудо-изобретение.

– И что это такое?

– Нейтрализатор энергетических частиц. Делает цель абсолютно невидимой. Вот... – Нестеров аккуратно открыл банку. Внутри находился розовый порошок, подозрительно смахивающий на женскую пудру.

– А как работает? – спросил Кравчук, потирая от нетерпения мозолистые ладони.

– Элементарно!

Григорий повернулся в мою сторону, поднёс банку к губам и дунул в неё со всей силы. Розовая пудра осыпала меня с ног до головы, превращая стильную одежду в кусок ненужного барахла с характерным запахом женского парфюма.

– Ты что делаешь, сволочь? – завопил я, бросаясь с кулаками на горе-изобретателя.

Нестеров с испугу отскочил в сторону и упал на пятую точку.

– Это экспериментальный образец, – дрожащим голосом, переходящим в хрипоту, произнёс он.

Лица истерически смеялась позади.

– Не знаю почему, – давась от смеха, выговорила она, – но эксперименты здесь только на тебе ставят. Правильно ты сказал: «подопытная крыса», не иначе...

– Я ему покажу «крыса», Кулибин недоделанный, – с недовольством произнёс я, отряхивая одежду от дурацкого порошка. – Смотрите, профессор, всю майку гад испоганил, даже надписи не видно.

– Он же предупреждал, – еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, проговорил Лощинский. – Порошок делает цель невидимой... Хотя с надписью получилось.

Все опять громко захохотали.

– Простите, ради бога, – подскочил ко мне Григорий. – Порошок не должен был на вас осесть. Видимо, с полярностью ошибся. Плюс или минус, минус или плюс... Совсем запутался.

– Всё понятно, – констатировал я. – Очередной ботан-неудачник. Андрей Борисович, пойдёмте уже в кабинет, а то за себя не ручаюсь.

Я уже почти миновал ресепшн, как вдруг услышал за спиной приглушенный смешок. Это было слишком. Я резко развернулся и быстрым шагом направился к изобретателю Несте-

рову, который стоял рядом с охранником Бойко. Василий Иванович что-то шептал Нестерову, ехидно улыбаясь. Увидев мою стремительно приближающуюся оболочку, Григорий вжал голову в плечи и машинально попятился назад.

– А вам, Григорий Алибабаевич, – подскочил я к нему, – рекомендую в следующий раз для своих безумных экспериментов использовать не женский порошок, а сахарную пудру. Всё равно ничего не выйдет, так хоть ванилью пахнуть будет.

– Он не Алибабаевич, – вмешался в разговор Василий Иванович. – Он Петрович...

– Неважно. Кстати, к вам у меня тоже вопросы имеются...

– Какие ещё вопросы? – напрягся Бойко.

– Ну как какие... Вы утверждали, что прибор МУСИ-52ВИБ – ваша собственная разработка. Только сдаётся мне, враньё это...

– Идея была моя, – покраснел охранник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.